

Михаил Григорьевич Ганопольский

ТЮМЕНЬ: ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ МЕСТА

(интуитивные заметки рефлексирующего горожанина)

За последние десятилетия, особенно в период нефтяного и газового бума, Тюмени было посвящено немало текстов различного свойства: публицистических, документальных, краеведческих, исторических... И все же Тюмень слабо прописана в этих текстах, плохо прочитывается, почти не угадывается. Существует в них как совокупность примет, но не как узнаваемый образ. Разумеется, речь идет не о многообразии определений («первый русский город Сибири», «центр самой большой области», «столица нефтяного края»), а о Месте, выделяемом не столько логически, сколько экзистенциально в силу пристрастного к нему отношения. Именно эта пристрастность отсутствует в большинстве текстов, не проявляясь даже в тех случаях, когда они претендуют на художественность. Почти каждая книга местного автора, замеченная читателем, расшифровывается как более или менее знакомая пьеса в постановке городского драмтеатра. Действующие лица помещены в бутафорию, слабо напоминающую городской пейзаж. Культурный ландшафт города либо отсутствует, либо недоступен интерпретации. При этом Тюмень — город не призрачный, не ускользающий при непосредственном контакте. В нем легко ориентироваться, он открыт любому приезжему, не демонстрирует при этом ни показного радушия, ни превосходства, ни униженности. Но, видимо, он еще не прописан как текст, не промыслен как город, дискурсивно не оформлен — и в этом смысле не прояснен для своих жителей, а точнее — для самого себя.

* * *

Тюмень — город настоящего. Он не был устремлен в будущее, как молодые города Тюменского Севера, не живет своим славным прошлым и не дышит стариной, как соседний Тобольск. Он фрагментарен во времени. Он слабо историчен. История для него — не сказка о том, что было, и не авантюра по отношению к тому, что будет, а равнодушный календарный отсчет.

* * *

Тюмень — город непосредственный. Он не инструментален в поведении и, особенно — в общении, предпочитает непосредственный контакт ове-ществленным формам коммуникации. До недавнего времени он был плохо телефонизирован, в нем мало хороших дорог. Главные городские артерии Транс-сиб, улица Республики и река Тура идут с запада на восток, вытягивая город в широтном направлении. В этом коридоре сосредоточено большинство цен-

Г. А. Токарев. «У оврага». 1982

Ю. Д. Юдин. «Сентябрь». 1976

тров деловой и официальной жизни, вузов, НИИ, учреждений культуры; в нем проложены основные маршруты городского транспорта.

А перпендикулярные магистрали? Для них нужны мосты. Каждый из них время от времени превращается в непреодолимое препятствие, каждый имеет свою драматическую историю. Тюменскому меридиану — символу недавней устремленности области на Север — трудно пере-

сечь областной центр, не блуждая и не искривляясь.

Но эти и другие трудности коммуникации с лихвой окупаются ощущением того, что в полумиллионном городе все друг друга знают, что в нем невозможно затеряться и прожить анонимно.

Все пути ведут к рынку. Центральный рынок Тюмени и прилегающие к нему универмаг, магазины, торговые ряды чем-то напоминают возрожденную Афинскую агору. Здесь начинаются или пересекаются почти все маршруты городского транспорта. Здесь назначаются встречи, совершаются сделки. Здесь начинаешь понимать, что жизнь — это обмен и обман.

* * *

Многие тюменцы, несомненно, любят свой город, хотя вслух назвать его любимым мало кто решается. Похоже, эта любовь все еще интимна и боится публичных излияний. Да и вообще любовь к городу, месту жительства обычно окрашена в эстетические тона (красивый город, чистый город), в ней приглушается нравственное содержание, она выводится за рамки этики. Считается само собой разумеющимся, что эта тема исчерпывается патриотизмом и любовью к малой родине. А как быть с отношением к месту, которое человек выбрал с той или иной степенью самостоятельности уже в зрелом возрасте и считает его своим? Пусть в данном случае нравственное содержание отношения Человек — Место не афишируется — оно предполагается свободой волеизъявления. Но почему-то в выражении «человек на своем месте» переносный смысл оттеснил основной, и так называют человека, занятого *делом*, соответствующим его склонностям и способностям. Да и этике места постоянно приходится доказывать право на существование. География, предмет которой, по классическому определению, — различия от места к месту, как-то перестала (на этом месте) замечать человека. А научная этика, если иметь в виду ее античную родословную, уже с момента своего возникновения интересовалась преимущественно человеком вне места (а значит, без места), то есть неким утопическим *человеком вообще*. А ведь

античный этос (от которого и образован Аристотелем термин *этика*) задолго до того, как обрести классический смысл, означал логово зверя, птичье гнездо, затем — дом, местопребывание, совместное жилище, и только впоследствии — обычай, темперамент, характер, нрав.

Русский аналог этоса — *нрав* — имеет иную этимологию, но черты сходства очевидны. «Что ни город, то норы». «Всякому городу — нрав и права, всякий имеет свой ум-голова» (Григорий Сковорода). Это справедливо и по отношению к Тюмени. Тюмень — город норовистый, нравный... Почти любимый.

* * *

Тюмень, не оформленная как город дискурсивно, для обретения цельности нуждается в карте. С некоторой претензией на каламбур можно сказать, что он поставлен на карту. Город и вправду похож на каламбур, но не игрой слов, а игрой пространства. Пространства географического, устанавливающего границы городской территории силой условного описания. В этом пространстве нет границ, которые можно назвать естественными. Вернее, они есть, но город почему-то продолжается сквозь них и останавливается там, где может продолжаться. Пространство города не связно и не однородно.

Но главное — другое. О городской культуре Тюмени трудно судить по карте достопримечательностей, учреждений культуры и ее неформальных центров. Культурный ландшафт Тюмени — это атлас ее нравов. Еще недавно своим особым нравом обладал не только каждый микрорайон, но и почти каждый соединяющий их маршрут городского транспорта. Культурная жизнь города в своей повседневности неспособна противостоять этому потоку нравов. Границы нравов определяют своеобразные линии сегрегации целых микрорайонов. Одновременно в центре идет искусственное возведение мощных заборов и заслонов — видимых и невидимых. Тюмень становится большим городом, пропустив стадию города среднего. Возможность формирования элементов городского самосознания, вполне реальная в середине 80-х годов, видимо, была упущена.

Конечно, городские праздники и другие популярные массовые мероприятия силой совокупного эмоционального всплеска год за годом мало-помалу восполняют это упущение. Многие могут сделать городские СМИ, хотя подражательность их речевых практик, неадекватность текстов свидетельствуют о том, что даже журналисты, родившиеся в новой Тюмени, почему-то говорят и пишут по-старому, а скорее всего по-старому мыслят. И, возвращаясь к началу этих заметок, правомерно задаться вопросом: готовы ли те, кто сегодня пишет и говорит о Тюмени, взяться за работу, с которой не справились их предшественники, способны ли они создать текст, в котором мы по-новому увидим себя и свой любимый город.

Виктор Валентинович Костецкий

ПРОБЛЕМА ПРОВИНЦИАЛЬНОСТИ ТЮМЕНИ

По административным меркам существуют различные статусы городов: районный центр, окружной центр и пр. С точки зрения культурологии, имеет смысл оппозиция «столица—провинция».

Кто-то из мыслителей прошлого века обронил фразу: в России всегда были культурные люди, но никогда не было культурного слоя. Это высказывание, отнесенное к столице, еще может быть оспорено, но в отношении провинции оно удивительно справедливо. Тюмень — одна из российских провинций. В Тюмен-